

УДК 116:316

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.1.098

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

Ю.Д. Гранин

ФГБУН Институт философии Российской академии наук, г. Москва

Специфической проблемой Российской Федерации была и остается асимметричность ее государственного устройства: деление страны на «территориальные» и «национально-территориальные» (республиканские) образования, обладающие разными возможностями и правами. По мнению ряда специалистов, это юридически фиксированное объективное неравенство регионов в составе РФ создает предпосылки для ее неустойчивости и должно быть заменено унитарной государственностью. Другие доказывают, что для социокультурно и конфессионально гетерогенной России симметричное административно-правовое и политическое устройство недопустимо: унифицированные политические модели эффективно нигде не работают и не могут гарантировать межэтнический мир и согласие. Автор солидаризуется со второй точкой зрения, выстраивая ее обоснования на основе анализа опыта государственного строительства РФ последних 30 лет. В статье реконструируются и анализируются основные этапы трансформации российского федерализма (1992–2022). За этот период страна эволюционировала от модели «кооперативного федерализма» (т. е. «договорной федерации») к модели «централизованной федерации». Последнюю не следует рассматривать как попытку возврата к унитарному государству. Скорее она тяготеет к специфическому использованию модели «федералистического федерализма» и хорошо вписывается в характерную для России имперскую парадигму развития. Последняя нередко интерпретируется как «несовременная» форма политического существования. По мнению автора, это широко распространенное убеждение основано на идеологически ангажированном и предвзятом понимании таких сложных форм политического устройства, каковыми являются «империи». Анализируя их, автор доказывает, что «федеративные империи» представляют собой адекватные формы развития для больших полиэтнических сообществ и распространения цивилизаций.

Ключевые слова: государство, империя, конфедерация, республики, Россия, федерация, федерализм, цивилизация.

Введение

В современных геополитических реалиях проблема консолидации российского общества обретает новую актуальность. Ее решение предполагает осмысление специфики государственного устройства нашей страны: той политической формы, которая наиболее предпочтительна для со-

хранения этнокультурного, языкового и конфессионального разнообразия России, для эффективного управления этим разнообразием. Невзирая на то, что опыт полиэтнических стран XX–XXI столетий свидетельствует о приблизительно равных возможностях сохранения этнического мира, поддержания и развития этнокультурного, языкового и конфессионального разнообразия в унитарных и федеративных государствах, большинство специалистов отдают предпочтение федеративной форме государственного устройства. Но она не тождественна федерализму.

«Федерации» и «федерализм»

В отечественной и зарубежной политологии нет общепринятого понимания термина «федерализм». Как и многие другие, он растащен по разным «дисциплинарным квартирам» совокупного обществоведческого дискурса. Тем не менее большинство исследователей солидарны в том, что этот термин продуктивно использовать, включая в его содержание, «во-первых, теорию и практику формирования целостного союзного государства, образованного совокупностью политически и юридически равнозначных частей, связанных общими интересами, историческими судьбами, договорными конституционными отношениями и совместным управлением единым государством; во-вторых, форму государственности, в основе которой лежат следующие принципы: формирование геополитического пространства государства как единого целого из территорий членов (субъектов) федерации (штатов, кантонов, земель, республик и т. п.). Субъекты федерации обычно наделяются учредительной властью, обладают ограниченным суверенитетом, включая принятие собственной конституции. Компетенция между федерацией и ее субъектами разграничивается союзной конституцией. Каждый субъект федерации имеет свою правовую и судебную системы, но одновременно существует и общее федеративное гражданство» [4, с. 238].

Исторически принципы федерализма связаны с философией естественного права, теориями конституционализма, становлением первых государств и рождением института нации как согражданства представителей разных этносов и этнических групп, объединенных общей государственностью. На их основе в различное время и в разных регионах планеты были сформированы десятки государств, которые получили название «федерация». Их принято противопоставлять, с одной стороны, унитарным государствам, а с другой – конфедерациям. Например, государственное устройство современных Франции, Великобритании, Италии или Египта принято интерпретировать в качестве образца унитарных государственных систем, поскольку в каждой из них обнаруживается верховный единый центр власти. Когда же речь заходит о примерах конфедерации, обычно вспоминают недолгую Северо-Американскую Конфедерацию (1781), Северо-Германский Союз (1867), старый Швейцарский Союз, который существовал в 1291–1798 гг. и состоял из 13 кантонов, а среди современных –

Европейский Союз, Арабскую лигу, Организацию африканского единства (ОАЕ). Их главным отличием от собственно «федераций» принято считать статус «федерального центра». В конфедерациях он не является носителем верховной власти, а наделен своими полномочиями по соглашению составляющих конфедерацию единиц. Отмечая относительность такого критерия, один из самых авторитетных исследователей федерализма П. Кинг писал: «Подобно тому, как имеется бесчисленное множество часто несопоставимых типов централизации-децентрализации, существуют и другие критерии классификации правительств, не имеющие никакого отношения к степени централизации, и такие критерии тоже многочисленны и разнохарактерны» [23, р. 28].

Конкретизируя далее такой подход, он дает следующее понимание федерации: «это государство, которое конституционно поделено на одно центральное и два или более территориальных (региональных) правительства. Сфера ответственности центра охватывает всю нацию в целом, тогда как полномочия территорий (регионов) имеют по преимуществу местный характер. Центральное правительство не является сувереном того образца, который не допускает вовлеченности в процесс принятия властных решений региональных единиц. Это обусловлено тем, что региональные единицы конституционно инкорпорированы в центр для выполнения определенных целей – например, для решения вопросов, связанных с принципами формирования федерального законодательного органа и назначения центральной исполнительной власти или же с процедурой принятия поправок к конституции. Соответственно, в федерации суверенный элемент состоит, как минимум, из трех компонентов: центра и двух или более территориальных единиц (регионов, кантонов, провинций либо штатов). На региональном уровне политическое участие людей, проживающих в этих территориальных единицах, может быть как ограниченным и непредставительным, так и репрезентативным и широким» [23, р. 31].

Состав современных федераций крайне разнообразен. Он варьирует от 3 субъектов федерации в парламентском королевстве Бельгия до 89 в Российской Федерации. Различаются федерации и принципами государственного устройства. Федерации, основанные на территориальном принципе, исторически оказались более устойчивыми (США), тогда как образованные на национально-территориальной основе (Югославия – СФРЮ) распались или подвергаются внутреннему давлению сепаратистов. Последний пример – своего рода историческая закономерность, т. к. федеративное устройство многих государств во многом было обусловлено именно проживанием на сопредельных территориях нескольких этнических групп. В основу современной РФ положены национально-территориальный и территориальный принципы. И эта же асимметрия определяет федеративные системы Бельгии, Канады, Индии, где она довольно эффективно обеспечивает решение национального вопроса, разграничение полномочий центра и регионов. Почему же в Российской Федера-

ции параллельное использование национально-территориального и территориального принципов государственного устройства в 1990-е гг. привело к невиданному росту этнонационализма и конфликтам на этнической почве? В значительной мере это было связано с историческим своеобразием перехода к постсоветской России.

Своеобразие исторического перехода к постсоветской России

По мнению известного политолога К. Росса, специфика исторической трансформации постсоветской России состояла в том, что она в короткие сроки осуществила «двойной переход» в новое качество: одновременное реформирование и экономической, и политической сфер жизни. Поэтому, полагал он, ей не удалось создать устойчивую и жизнеспособную федерацию. Но дело не только в этом. Исторический опыт свидетельствует, что федеративные государства основать гораздо сложнее, чем унитарные. А Россия создавала новую федеративную систему, одновременно занимаясь приватизацией экономики и перестройкой всей политической системой страны. А это чрезвычайно осложняло ее положение. «Слабость российского государства и федеральной Конституции, – заключал Росс, – создала ситуацию, когда федеральные власти не в состоянии были охранять и поддерживать универсальные демократические принципы на территории всей страны и защищать права граждан в регионах, где правят сегодня авторитарные лидеры... Основой отношений между центром и периферией в России стали политические и экономические связи, подменившие собой правовые и конституционные процедуры» [14, с. 17].

Действительно, несовершенство конституционно-правовой базы РФ 1990-х гг. в значительной мере определяло ее неустойчивость. Помимо этого, серьезные последствия для национально-государственного единства России имел заключенный в 1992 г. Федеративный договор. В мировой практике принято делить федерации в зависимости от путей возникновения на две группы. Так называемые «договорные федерации» (США, Швейцария, Австралия) возникли в результате договора между равноправными субъектами, делегировавшими федеральному центру определенные полномочия. В таких федерациях субъекты первичны, а федерация вторична, и, в принципе, может быть аннулирована с согласия ее учредителей. Другую группу составляют федерации, созданные «сверху», т. е. решением центральной власти, наделяющей территориальные единицы определенными полномочиями. Такие федерации отличаются более высокой степенью централизации управления. Но главная их особенность состоит в том, что федеральный центр в конечном счете оставляет за собой право создавать и упразднить самоуправляющиеся территории, а также менять их границы.

Исторически РСФСР (в отличие от СССР) была федерацией, образованной «сверху», решением V Всероссийского съезда Советов, принявшего Конституцию РСФСР. В результате многие народы России, либо никогда не имевшие собственной государственности, либо утратившие ее не-

сколько веков назад, получили свою в значительной степени символическую государственность, хотя местные политические элиты восприняли ее как реальную. Подписание Федеративного договора в 1992 г. по существу превратило Россию в договорную федерацию. Центр и субъекты федерации поменялись ролями, и теперь уже бывшие автономии стали стремиться – и небезуспешно – ограничить компетенцию центральной власти. Неужели этого нельзя было предвидеть? Разумеется, можно. Но тогда почему федеральный центр пошел на подписание федеративного договора?

Обычный ответ – «из популистских соображений». Но это лишь одна, субъективно-мотивационная, сторона принятия политических решений. Другое объяснение, более глубокое, предполагает обсуждение диалектики объективного (естественно-исторического) и субъективного (конструируемого) в историческом процессе. И тогда рациональный ответ на заданный вопрос будет таким: Ельцин и его окружение объективно не могли предвидеть всех социальных последствий подписания федеративного договора, так как исходили из ошибочного постулата свободной «конструируемости» социальной реальности.

Справедливости ради заметим, что представление о человеческой истории как *свободно* конструируемой людьми реальности – социально-философская предпосылка не только персонального сознания политических деятелей и управленцев, но и многих теоретиков-обществоведов. Они «не видят» ограничений конструирования социальной реальности, которая формируется и развивается преимущественно естественно-историческим (объективным) образом, но осознается, как показал Маркс, в превращенных формах кажимости. Так возникает реальное противоречие между осознанной деятельностью людей и объективно формирующимися социальными структурами, которые каждое поколение людей застаёт уже готовыми и живет в них. Это противоречие *решается осознанно-практически – путем проб и ошибок*. Люди сами творят свое настоящее и будущее, в том числе на основе представлений о должном состоянии человеческого общежития. Но последствия их коллективных деяний (в силу невозможности знать весь объем социальных, перманентно изменяющихся связей) и тем более «волений» составляющих общество индивидов, принимающих решения во многом спонтанно и интуитивно, оказываются совсем не теми, на которые рассчитывают строители будущего: в нашем случае – строители новой Российской Федерации, которые из соображений политической тактики в преддверии принятия Конституции РФ 1993 г. пошли на подписание федеративного договора. Позже выяснилось, что тактика эта была недальновидной.

«Тактика «встречного пожара» и «параллельное право» субъектов Российской Федерации

По воспоминаниям многих участников тех событий, идея суверенизации регионов представляла собой реакцию на принятие Закона СССР «О разграничении полномочий между СССР и субъектами федерации». Этот

закон фактически изымал 16 автономий из состава РСФСР, а руководство новой России пыталось сохранить их в своем составе. В отсутствие властных и экономических рычагов у правительства РСФСР, сосредоточенных в ЦК и союзных министерствах, объяснял Борис Ельцин, им «было найдено нестандартное решение, в чем-то похожее на тактику «встречного пожара». Оно, как известно, заключалась в предоставлении почти неограниченного суверенитета республикам. Именно этими соображениями впоследствии объяснял Ельцин свою известную фразу, произнесенную в августе 1990 г. в Казани: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». И политические элиты новых субъектов РФ в полной мере этим правом воспользовались.

Федеративный договор от 31 марта 1992 г. стал первым документом в новой России, урегулировавшим разграничение предметов ведения и полномочий между центром и субъектами. Он, как известно, состоял из трех договоров, заключенных Российской Федерацией по отдельности с тремя группами субъектов. В частности, всем регионам давалось право быть «самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений». Но некоторые получали много больше полномочий: республики, например, в соответствии с протоколом к договору добились предоставления им не менее 50 % мест в одной из палат Верховного Совета. Тем не менее Татарстан и Чечено-Ингушетия договор не подписали. «Несмотря на противоречивость в практике реализации, – вспоминал один из авторов российской Конституции Сергей Шахрай, – в целом Федеративный договор сыграл положительную роль в купировании центробежных тенденций начала 1990-х годов и сохранении единой РФ».

Если это и так, то «купирование центробежных тенденций» продолжалось не долго. А принятие в 1993 г. Конституции России реально мало что изменило: договорные отношения между федеральным центром и многими регионами, активно занявшимися собственным законотворчеством, в ряде моментов противоречили Основному Закону страны. И это «параллельное право», легитимирующее объективное неравенство регионов и в ряде случаев создающее преимущество республик перед другими субъектами федерации, постоянно провоцировало этнополитический и этнокультурный национализм, а соответственно, неустойчивость России как федеративного государства [4].

Свидетельством тому откровенно сепаратистские высказывания некоторых политических активистов. Так, например, советник президента Татарстана Р. Хахим в 1995 г. утверждал, что в качестве «православной страны» Россия «откровенно противостоит Востоку», а от Запада ее отталкивают антилиберальные и антидемократические тенденции, будто бы органично присущие православию. По его мнению, критика Россией расширения НАТО и ее попытки укрепить СНГ основаны на исторически антизападных настроениях и восприятии федеральным центром соседних стран в качестве сателлитов. Чтобы подчеркнуть контраст с политикой федераль-

ного правительства, в те годы он делал акцент на том, что у Татарстана нет внешних врагов, а есть собственная модель развития [21, с. 14]. Раскрывая ее содержание, известный татарский общественник Д. Исаков чуть раньше писал, что российская культура, остающаяся прямой наследницей советской, очень плохо приспособлена к потребностям модернизации. И это усиливает стремление татарстанского сообщества к прямому контакту с носителями европейской цивилизации: «геополитические приоритеты Татарстана никак не могут выстраиваться в узких рамках русско-православной Евразии» [11, с. 14].

Комментируя эту позицию, А.С. Макарычев справедливо отмечал: «В практическом плане столь серьезные разногласия Казани с Москвой выливаются в а) вполне лояльное отношение руководства Татарстана к Североатлантическому блоку и оправдание его расширения на Восток; б) скептицизм по поводу возможности стратегического партнерства РФ и КНР; в) неприятие интеграции постсоветских республик в целом и слияния России и Белоруссии, в частности; г) резко отрицательное отношение к применению федеральными войсками силы в Чечне» [13, с. 92].

Так, быть может, все дело в «асимметрии» Российской Федерации, которая, по мнению многих исследователей, должна быть устранена? «Федерализм, – подчеркивали тогда В. Ильин и А. Ахиезер, – правильно толковать не как национально-территориальную, но как территориальную форму демократического устройства на базе волеизъявления всех (а не “титულных”) проживающих в данной административной единице граждан» [10, с. 235]. Или же неприемлем сам «федерализм», который должен быть заменен унитарной государственностью?

Исторический опыт и политические теории на эти вопросы однозначного ответа не дают. Многие исследователи считают, что для социокультурно и конфессионально гетерогенной федерации симметричное административно-правовое и политическое устройство недопустимо: унифицированные политические модели эффективно нигде не работают и не могут гарантировать межэтнический мир и согласие [2; 3]. Но и применяемая в 1990-е гг. в РФ модель «договорной федерации» также не только не смогла их гарантировать, но и в значительной мере усугубила противоречия между федеральным центром и национальными республиками в составе РФ, выразившиеся в серьезных межэтнических конфликтах на Северном Кавказе. Тогда произошел резкий отток русского населения из национальных республик этого региона, который составил более 310 тыс. человек, в основном пришедшийся на Чеченскую Республику (210 тыс. чел.) и Республику Дагестан (45 тыс. чел.). За этот период удельный вес русского населения сократился до 18 %. В результате двух военных компаний в Чечне русское население уменьшилось до 25–30 тыс. человек, большинство которых проживало в сельской местности в надтеречных районах республики. Всероссийская перепись населения 2002 г. выявила в Грозном всего 5,3 тыс. русских жителей [18, с. 71].

Показательна и динамика роста построения собственной системы национального (этнического) образования, свидетельствующая о настойчивости движения республик к культурной самостоятельности. В начале «нулевых» в общей сети образовательных учреждений Республики Саха (Якутия) школы с родным языком обучения составляли более 40 %, Республики Башкортостан – 45 %, Республики Татарстан – 53 %, а Республики Тыва – 80 %. Мало того, вслед за провозглашением политического суверенитета почти всеми «национальными» республиками в составе Российской Федерации были приняты законы о языках, которые (вместе с декларациями о суверенитете) в 1990-е гг. стали юридической основой для проведения дискриминационной этнической политики на территории национально-государственных субъектов РФ и спровоцировали процессы, ведущие к разрушению единого коммуникативного пространства России.

Фактически было осуществлено новое издание «коренизации», повлекшее за собой кадровые чистки в госструктурах, школах и вузах Татарстана, Башкирии, Якутии, других бывших автономиях [7]. Российская Федерация на глазах становилась все более гетерогенным политическим и социокультурным образованием. Осознание этого обстоятельства определило движение к новой модели федеративного устройства нашей страны.

К новой модели Российской Федерации

Переход к ней был связан с осмыслением проблемы устойчивости государственного порядка и общественного согласия, которая не ограничена лишь национально-этнической сферой. В крупных государствах ее решение во многом зависит от способности федеральной власти управлять многонародным социумом. А эта способность начала формироваться в России лишь к началу XXI в. К тому времени государство во многом потеряло управляемость и распалось на множество полунезависимых субъектов, в которых не исполняющиеся федеральные законы подменялись собственными, часто противоречащими самой сути российской Конституции. Не случайно летом 2000 г. Конституционный суд РФ признал понятия «суверенный» и «субъект международного права» по отношению к субъектам Федерации противоречащими Основному закону.

Мало того. Вопреки ожиданиям, радикальные реформы 1990-х гг., включая «парад суверенитетов», не привели к сбалансированному перераспределению властных полномочий от Центра к регионам. Они только усилили местные административные и финансовые элиты, крайне ослабив вместе с тем единство и целостность Российской Федерации. Это констатировал и в ряде своих заявлений Президент России В.В. Путин. Например, в марте 2001 г. в интервью центральным газетам он отметил: «25 процентов всех законодательных актов субъектов Федерации находилось в противоречии с Конституцией России и с федеральным законодательством... Во многих конституциях, уставах субъектов Федерации мы могли найти все что угодно: и международную правосубъектность, и чуть ли не

собственные вооруженные силы. Не было только одного – что та или иная административно-территориальная единица является субъектом Российской Федерации» [17].

Таким образом, отрицательный опыт федеративного строительства 1990-х гг. в России, распад Югославской федерации, другие примеры такого же рода, безусловно, способствовали пересмотру Кремлем модели федеративного устройства России: в первое десятилетие XXI в. она относительно плавно эволюционировала от модели «кооперативного федерализма» (т. е. «договорной федерации») к модели «централизованной федерации» – выстраиванию «властной вертикали» федеральным центром. В частности, были созданы «федеральные округа», укрупнены некоторые субъекты федерации, отменены должности «президентов» республик. Тем самым Россия пошла по пути использования модели «форалистического федерализма». Последняя, не отменяя практики заключения договоров между республиками и федеральным центром и давая тем самым определенные преимущества («фору») некоторым регионам страны в исключительных случаях, вместе с тем обеспечивает единый правовой статус субъектов федерации, предполагая не только расширение полномочий последних в сфере совместного ведения, но и усиление их ответственности за соблюдение федерального законодательства.

Поддерживая аргументы в пользу перспективности такой модели, хочу добавить, что она хорошо вписывается в характерную для России имперскую парадигму развития, которая, как я уже писал, наиболее адекватна для больших полиэтнических сообществ и распространения цивилизаций на большие расстояния [5]. Этот вопрос заслуживает отдельного обсуждения.

Империи и цивилизации в истории человечества

Ошибочно думать, что многовековая имперскость России (как минимум пятисотлетнее воспроизводство имперских порядков жизни) свидетельствует о ее «несовременности» [1]. Это широко распространенное убеждение основано на идеологически ангажированном и предвзятом понимании таких сложных форм политического устройства, каковыми являются «империи». «Они сплошь и рядом квалифицируются как наихудшие формы правления и «тюрьмы народов», как государства, основанные на военном и экономическом насилии. При этом благополучно забывают, что государства всех типов, в том числе и «национальные государства» Европы, многие из которых затем стали «колониальными империями», были образованы путем войн и поддерживали свое существование путем масштабного насилия. Не случайно Ч. Тилли, блестяще проанализировавший историю формирования европейских государств, назвал этот процесс «узаконенным рэккетом». Так что апелляция к «завоеваниям» и «насилию» как специфической характеристике империй не является аргументом для отказа от этой формы государственного устройства» [5, с. 80].

История свидетельствует: подавляющее большинство империй действительно образовывались и расширялись путем завоеваний, но их дальнейшая судьба была связана отнюдь не с «насилием одного этноса над другими», как считают Абалов и Иноземцев, а с различными формами легитимного господства и культурного доминирования, искусственным осуществлением которых можно объяснить многовековое существование большинства империй. «В контексте всемирной истории, столетиями демонстрировавшей цивилизационное многообразие, последние продуктивно интерпретировать как *большие высокоцентрализованные полиэтнические государства с “открытыми порядками жизни”*, универсальный (т. е. пригодный для многих целей) характер которых оказывался наиболее эффективной политической формой легитимного сосуществования народов» [5, с. 80].

Разумеется, ни одно определение империи, абстрагирующееся от многообразия исторических воплощений имперских государств, не может вместить явленное веками их феноменальное разнообразие. Но опираясь на гигантское собрание научных и околонучных исторических нарративов, посвященных империям, можно без труда обнаружить, что эти, как называет их Доминик Ливен, «леопарды истории» [12, с. 682] совсем не были «дикими созданиями», стремящимися поглотить и насытиться «плотью и кровью» сопредельных с ними народов. Таковыми они выглядят лишь из пространства агрессивной геополитики. В другом горизонте исторического анализа – всемирно-исторического движения человечества от «варварских» к цивилизованным формам и порядкам совместной жизни – жизнь этих «диких созданий» обретает совсем иной смысл.

Это сейчас «империя» и соответствующие ей реалии воспринимаются многими как нечто несовременное и регрессивное. Однако на протяжении столетий до и после новой эры *имперская политическая форма несла в себе позитивный культурно-исторический и социальный смысл*, утверждая в «колониях» и «провинциях» единую для всех государственную политическую идеологию и единые законы совместного проживания миллионов этнически и религиозно разных людей. Исключение составляли так называемые «степные империи» (Чингисхана, Тамерлана и др.), милитарное властвование которых над покоренными народами не вело ни к какому (экономическому, политическому и культурному) развитию. Их правильно именовать полуварварскими «восточными деспотиями» и отличать от собственно империй. По моему мнению, «империи» от «неимперий» отличаются не формой правления и государственного устройства, а «цивилизационно»: *в истории Евразии (в меньшей степени Мезоамерики) “империи” выступали наиболее адекватной политической формой цивилизаций, были политическим способом существования и распространения разнообразных “цивилизационных моделей” жизни – форм и институтов политического, экономического, социального и культурно-духовного развития»* [6, с. 93].

Тем самым на протяжении столетий до и после новой эры великие империи древности и Нового времени знаменовали собой первые (локаль-

но-региональные) попытки глобализации человечества, **формируя общее торгово-экономическое, политическое, культурное и коммуникативное пространство развития для миллионов разноязыких, антропологически, религиозно и культурно разных людей путем объединения их для совместной жизни в одном государстве.** На языке Броделя и Валлерстайна это пространство именуется «мир-системой», а в рамках цивилизационного подхода его определяют термином «локальная цивилизация». И в этом заключался всемирно-исторический смысл образования и многовекового существования «империй»: распространения *«цивилизационных моделей» жизни (цивилизаций)* на большие расстояния.

В чем, например, всемирно-исторический смысл образования империй Александра Македонского и великой Римской империи?

Прежде всего в том, что они способствовали распространению великой греко-римской культуры и новых моделей жизни на огромных пространствах Азии, Европы и Северной Африки, получивших обобщенное название эллинизации (эллинизма) этих территорий, где за относительно небольшое время после знаменитых походов Александра и раздела его империи диадохами на пространстве бывших сатрапий империи (Аттики, Вавилона, Великой Фракии, Египта, Сирии, Малой и Средней Азии, Пергама и др.) возникли имперские образования («царства»), в пределах которых (и между ними) *образовалось относительно единое экономическое, культурное и политическое пространство с однотипными формами ведения хозяйства, политическими режимами, культурами и базовым (древнегреческим) языком.*

Коммуникативными и экономическими скрепами этого пространства эллинистической цивилизации, справедливо отмечает Алексей Фесенко, «стали маршруты Средиземного моря, проходящие через Родос, Александрию, Карфаген и Сицилию. Движение судов базировалось на системе маяков, опоясывавших Средиземное море и выступавших технической основой эллинистической глобализации», а «интеллектуальными столпами» – библиотеки Александрии и Пергама, открытые для всех свободных граждан [20]. К этому пространству, раздвинув его границы, присоединились два сильнейших негреческих государства: Римская республика и Карфаген. «Для образованного римлянина или карфагенянина не знать эллинские язык и философию было примерно так же странно, как для нашего современника не знать английский хотя бы на уровне чтения. Свободный гражданин мог за время своей жизни сменить много государств. Повсюду он встречал примерно одинаковые города, одинаковые бытовые условия, одинаковый эллинский язык, одинаковые папирусные свитки и одинаковые политические системы – своего рода смесь древнегреческих полисов и монархий Древнего Востока» [20].

Во времена расцвета Римской империи *эллинистическая цивилизация трансформировалась в романо-греческую (латино-греческую)*, в пределах которой уже не только Средиземноморье и Причерноморье, но и За-

падная Европа стали общим хозяйственным и культурным пространством. Повсюду господствовали латинский язык и греко-римская культура, а свободный гражданин (приобретение римского гражданства было одним из основных факторов устойчивости империи) и даже «варвар» мог беспрепятственно проехать от Лондония (совр. Лондона) и Лютеции (совр. Парижа) до Александрии и Пантикапея (совр. Керчи), от Колонии Агриппины (совр. Кёльна) до Иерусалима. Не только в Италии, но и в 32 провинциях Римской империи они могли наблюдать правовой порядок совместной жизни, верховенство закона над контролируемым обычаем самоуправлением, дороги и акведуки, величественные театры и цирки, общественные бани и школы, библиотеки, произведения науки и образцы техники, архитектуры, поэзии, драматургии и философии. То есть тот мир «цивилизации», видя который, прибывающие в империю из лесов и степей варвары испытывали культурный шок, сравнивая свой убогий мир с величием «империума». И эта ситуация была характерна не только для западной, но и восточной Евразии, где также появлялись и сменяли друг друга большие цивилизации, основным политическим фактором формирования и распространения которых на значительные расстояния были империи: универсальные государства, легитимно (на правовой основе) утверждавшие в колониях и провинциях «цивилизованные модели» жизни – формы и институты политического, экономического, социального и культурно-духовного общежития и развития многонациональных социумов.

Имея в виду это обстоятельство, некоторые исследователи справедливо предпочитают рассуждать не о локальных «цивилизациях», а о «цивилизационно-имперских системах» [8; 9]. Их возникновение, добавлю, оказывалось важным фактором мировой динамики, формируя попеременно меняющиеся «центры» международного развития: «места» военного, социально-экономического и культурного доминирования в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций. Настоящее время очевидно демонстрирует смену полюсов всемирно-исторической эволюции: переход от доминирования евроатлантической цивилизационно-имперской системы, возглавляемой США, к многополюсной системе международных отношений, ключевые позиции в которой будут, помимо «англосаксонского мира», принадлежать и другим большим «странам-цивилизациям», одной из которых является современная Россия.

Заключение

Не имея возможности специально обсуждать этот вопрос, вновь отмечу лишь продуктивность имперской парадигмы развития, характерной чертой которой было (и остается) а) *многообразие форм правления* (монархия или республика) и *государственного устройства* (унитарного или федеративного) и б) *наличие асимметричной системы управления* (конфессионально, лингвистически, культурно и экономически гетерогенным)

многонародным социумом. Примером успешно функционировавшей асимметричной системы управления народами в свое время была Римская империя, а значительно позже династическая Российская империя Романовых, где одним было устройство Финляндии, а совсем иным – Кавказа. Асимметрично оформленной федерацией сейчас является Индия, где в зависимости от этнокультурных особенностей оформились различные системы управления и политического устройства штатов и территорий, которые складывались путем автономного конституирования отдельных этносов и культурных групп.

Современная Российская Федерация движется тем же путем, используя, как уже отмечалось, модель «форалистического федерализма», суть которой заключается не только в том, чтобы (за счет федеральных субсидий и субвенций) предоставлять «фору» отстающим субъектам федерации, но делегировать им больше полномочий, больше «самоуправления», опираясь на человеческий потенциал регионов. Главное на этом пути сохранять баланс федерального централизма и регионального (политического, экономического и социокультурного) разнообразия. Не забывать, что «усредненные» гетерогенные федерации СССР и СФРЮ распались. А Россия в ходе специальной военной операции 2022 г. не только сохранила, но и упрочила свою целостность, наглядно продемонстрировав военный порыв своих «национальных» батальонов.

Список литературы

1. Абалов А., Иноземцев В. Бесконечная империя. Россия в поисках себя. М.: Альпина Паблишер, 2021. 426 с.
2. Абдулатипов Р.Г. Россия на пороге XXI века: состояние и перспективы федеративного устройства. М.: Славянский диалог, 1996. 253 с.
3. Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф. Опыты федерализма. М.: Республика, 1994. 318 с.
4. Гранин Ю.Д. Нации, национализм и федерализм. Опыт философско-методологического исследования. Калуга: Изд. Дом «Эйдос», 2002. 260 с.
5. Гранин Ю.Д. Бесконечная имперскость России. Цивилизационное измерение // Вопросы философии. 2022. № 9. С. 76–86.
6. Гранин Ю.Д. Имперский характер России: исторический тупик или «окно возможностей»? // Журналист. Социальные коммуникации. 2022. № 3. С. 85–104.
7. Гранин Ю.Д. Проблема формирования «российской нации». Коммуникативный аспект // Вестник Академии Медиаиндустрии. 2022. № 2. С. 131–153.
8. Ильин М.В. *Patrimonium et imperium*: метаморфозы двух прототипических порядков в зеркале эволюционной морфологии (часть 1) // ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10, № 3. С. 5–21.
9. Ильин М.В. *Patrimonium et imperium*: метаморфозы двух прототипических порядков в зеркале эволюционной морфологии (часть 2) // ПОЛИТЭКС. 2015. № 1. С. 5–24.

10. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М.: Изд-во МГУ, 1998. 382 с.
11. Исхаков Д. Модель Татарстана: «за» и «против» // «Панорама-Форум». 1995. № 2. С. 10–18.
12. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 678 с.
13. Макарычев А.С. Федерализм эпохи глобализма: вызовы для региональной России // Полис. 2000. № 5. С. 85–96.
14. Росс К. Федерализм и демократизация России // Полис. 1999. № 3. С. 16–27.
15. Тилли Ч. Война и строительство государства как организованная преступность // [Электронный ресурс]. URL: <https://commons.com.ua/uk/vojna-i-stroitelstvo-gosudarstva-kak-organizovannaya-prestupnost> (дата обращения: 21.06.2022).
16. Туровский Р.Ф. Российский квазифедерализм: состояние и перспективы // К новой модели российского федерализма / под общей ред. А. Захарова, О. Здравосмысловой. М.: «Весь Мир», 2013. С. 118–142.
17. «Труд». 22 марта 2001. С. 1.
18. Суций С.Я. Русское население городов Северного Кавказа: демографическая динамика XIX – начала XX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 4 (41). С. 66–73.
19. Федерализм / С.Е. Заславский, В.И. Коваленко, Е.Е. Кочетков и др. М.: Издательство Московского университета, 2016. 492 с.
20. Фененко А. «Черные лебеди» глобализации // РСМД. 13 апреля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chernye-lebedi-globalizatsii/?ysclid=lbhwafqu78245054706> (дата обращения: 21.06.2022).
21. Хаким Р. Россия и Татарстан: у исторического перекрестка // «Панорама-Форум». 1997. № 11. С. 5–15.
22. Цветкова О.В. Особенности современной модели российского федерализма // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 4 (14). С. 147–156.
23. King P. Federalism and Federation. London, 2000.

EVOLUTION OF RUSSIAN FEDERALISM IN NEW GEOPOLITICAL REALITIES

Yu.D. Granin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow

A specific problem of the Russian Federation has been and remains the «asymmetry» of its state structure: the division of the country into «territorial» and «national-territorial» (republican) entities with different capabilities and rights. According to a number of experts, this legally fixed objective inequality of regions within the Russian Federation creates prerequisites for its instability and should be replaced by a unitary statehood. Others argue that for a sociocultural and confessional heterogeneous Russia, a symmetrical administrative, legal and political structure is unacceptable: unified political models

do not work effectively anywhere and cannot guarantee interethnic peace and harmony. The author agrees with the second point of view, building its justification based on the analysis of the experience of state-building of the Russian Federation over the past 30 years. The article reconstructs and analyzes the main stages of the transformation of Russian federalism (1990–2022). During this period, the country has evolved from the model of «cooperative federalism» (i.e., «contractual federation») to the model of «centralized federation». The latter should not be regarded as an attempt to return to a unitary State. Rather, it tends to the specific use of the model of «federalistic federalism» and fits well into the imperial development paradigm characteristic of Russia. The latter is often interpreted as a «non-modern» form of political existence and development. According to the author, this widespread belief is based on an ideologically biased and biased understanding of such complex forms of political structure as «empires». Analyzing them, the author proves that «federated empires» represent adequate forms of development for large multiethnic communities and the spread of civilizations.

Keywords: *state, empire, confederation, republics, Russia, federation, federalism, civilization.*

Об авторе:

ГРАНИН Юрий Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт философии Российской академии наук, г. Москва. E-mail: maily-granin@mail.ru

Author information:

GRANIN Yuri D. – PhD (Philosophy), Professor, Leading Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: maily-granin@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.01.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 18.02.2023.